
ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323

*М.С. Лыцев****ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
И СТРАТЕГИИ ЭЛИТ ТЕРРИТОРИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

В статье анализируются особенности регионального политического процесса и стратегий элит территорий на современном этапе. Указывается на необходимость углубленного определения, идейно-ценностного обоснования перспективы института региональной элиты и формирования на этой основе интегративных стратегий, зависящих от социально значимой эффективности регионального развития.

Ключевые слова: региональный политический процесс, стратегии элит территорий, региональные элиты, партия власти, вертикаль власти, местное самоуправление.

В настоящее время существует объективная потребность в оптимизации понятийного аппарата концепции национальных интересов и федерализма. Централизация в технологическом формате *вертикали власти* уже привела к качественному изменению их принципов. Одним из упорядочивающих этот процесс терминов является «стратегия развития». Как понятие и объясняемая им реальность, она опирается на важный в современной науке *пространственный* подход и связанные с ним концептуальные модели из политической регионалистики. На практике, по мнению А.Е. Чириковой, идеология отказа от федерализма была фактически поддержана региональной властью, так как оказалась выгодной не только этой власти, но и другим субъектам регионального пространства, таким как бизнес и «партия власти» [1, с. 107].

Автор склонен считать, что к началу правления Д. Медведева субъекты РФ подошли в разном состоянии: основные различия пролегли по реальной шкале неравномерности регионального развития в сочетании с повышенным «трением» осуществления ряда социально-экономических процессов из-за неопределенности генеральной линии. На тот момент она только начала складываться в долгосрочную стратегию,

* © Лыцев М.С., 2013

Лыцев Михаил Сергеевич (MLystsev@gmail.com), кафедра истории и документоведения Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, 603950, Российская Федерация, ГСП-41, г. Н. Новгород, ул. Минина, 24.

своеобразной рефлексией которой помимо прочего стала и практика реализации приоритетных национальных проектов, стартовавшая в 2006 г. [2, с. 254].

К тому же сама протяженность периода реформ, их противоречивые результаты, характер экономического роста и политических трансформаций, смена условий и лидеров, глобальный финансовый кризис и т. д. — все это вывело проблему соотношения стратегии России и текущей политики в центре и на периферии на новый уровень обсуждения и практических действий. Как экономическая или социальная, региональная политика может превратиться в признанную долговременную стратегию лишь в том случае, если она формируется по критерию адекватности интересам общества в целом.

Неудовлетворенность пройденными постсоветскими этапами в провинции есть преимущественно следствие тенденций отчуждения народа от преобразований, присвоения немногими того лучшего, что ранее принадлежало всем. После 2000 г. региональный политический процесс стал функционально-конвенциональным с неярко выраженной уникальностью и дискретностью изменений, а институционализация элит при молчаливом согласии большинства утратила позитивный характер эволюции. События 2005 г. в стране и ближнем зарубежье напомнили о том, что безучастность масс — явление относительное и «в случае зазнайства элиты оборачивается жесточайшими катаклизмами» [3, с. 4].

Субъективная составляющая актуализации проблемы стратегии в регионах — это действия, прежде всего, различных акторов национальной политики и экономики, заинтересованных в той или иной направленности этого процесса. Взаимосвязь политических элит и отечественного капитала в значительной степени определяет их предпочтения в процессе развития страны по определенным сценариям. Но далее эта тенденция налагается на объективные основания внутри страны и отражается в сознании элит и общественных организаций как взаимодействие и столкновение различных систем представлений о целях, ходе и перспективах развития.

На этой платформе ныне в провинции помимо общеидеологических формируются две условно идейно-политические системы. Они отражают характер эволюции самих региональных элит. Так, если за вытесненными из федерального процесса элитами территорий осталось право адаптивно центру выстраивать свою политику в регионах под контролем доминирующей партии власти, то перевес адаптивных стратегий над любыми другими служит тревожным сигналом того, что модернизационный прорыв в провинции может быть осуществлен только по приказу сверху [1, с. 107]. Это первая позиция.

«Концентрация федеральных ресурсов политического, финансово-экономического, информационного и идеологического влияния в 2001–2008 гг. нужна для решения проблем развития страны, — пишет А. Дахин. — ...В силу разделения «пакетов участия» в делах страны между федеральной, региональной властью и муниципальным самоуправлением одних федеральных ресурсов недостаточно для развития территорий России. Поэтому, вероятно, с 2008 г. станет острее запрос на вклад регионов в процессы развития собственных территорий...» [4, с. 9], т. е. запрос не столько «сверху», сколько со стороны общества на конструктивные стратегии развития элит территорий. Это вторая позиция, с большим потенциалом действенности.

Отношения между этими системами взглядов носят сегодня характер скорее концептуальной, нежели идеологической борьбы, поскольку включают столкновение не столько интересов, политических позиций, сколько принципиальных установок на социально-экономические и политические основания и источники развития регионов, федеративного устройства в целом. Иначе говоря, «только из центра» или «вместе с ним». Эта борьба вокруг направленности и регуляторов процессов развития

разворачивается внутри по-разному структурируемого российского сообщества, но при наличии достаточно устойчивой структуры элит, между политическими силами и субъектами различной идейно-ценностной ориентации, но в пределах состоявшегося распределения полномочий и функций в рамках общероссийского механизма управления.

С учетом этих возможностей и пределов, подверженных коррекции, и региональные элиты, и главы регионов, испытывая давление известных процессов, трансформируются сами и существенным образом меняют свои политические стратегии. В ходе этих изменений усложняется взаимодействие и столкновение моделей будущего федеративного порядка и управления им. Они все более становятся доминирующими идейно-ценностными регуляторами внутривнутриполитического сознания элит территорий и посредством выбранных ими стратегий уже реализуются в политической практике. Так что эффекты «деполитизации» и «патернализации» стратегий региональных элит, как и тактическая «победа центра», очевидны лишь в настоящий момент, но не в долгосрочной перспективе.

Перспективы развития элит территорий (включая глав регионов) зависят сейчас практически от тех же факторов, но в другом порядке – принципиальных решений президента и премьера, порядка отчетности и внутренней структуры доверия, уровня взаимодействия элит в пирамиде власти и поддержки со стороны крупных бизнес-структур, государственных корпораций, политического участия партий и граждан. Усиление хозяйственно-административной функции губернаторов несколько изменяет модель «управления элитой».

Последние преобразования, однако, не меняют, по сути, политические стратегии региональных элит. Главы регионов, несмотря на укрепление их ресурсов, все более превращаются в координаторов, отвечающих за реализацию указаний сверху, а элиты территорий в целом – в *транзитеров* интересов центра и одновременно национальных интересов.

Мировой финансовый кризис поначалу несколько «рассогласовал» механизм общероссийского управления и политического взаимодействия. Но уже вскоре центр изыскал привычные для себя возможности расширения своей сферы влияния за счет «перезагрузки» регионального уровня власти и одновременно – укрепления своего контроля над местным самоуправлением в виде решения проблемы «моногородов», вышедшей «на улицу».

В докризисный период центр, используя благоприятную экономическую конъюнктуру (высокие цены на нефть, газ, другие экспортные товары), фактически занимался тем, что «выкупал» реформы у регионов. Теперь, когда общая ситуация изменилась, подобная стратегия не может быть реализована. Ныне Кремль (на фоне уменьшения доходной части бюджетов регионов, их дефицита, нарастания вкладов в социальные обязательства перед населением и т. д.) осознал, что местным элитам для участия в общенациональном развитии не хватает ряда способностей, к пониманию которых на местах уже пришли, но под флагом региональных интересов.

Еще в процессе муниципальной реформы 2003 г. у глав регионов появились новые возможности для влияния на органы местного самоуправления, их руководителей через систему отчетности перед губернаторами. В 2008 г. президентский указ обосновал и ужесточил формальные критерии этой процедуры, что вкупе с финансовой зависимостью большинства муниципалитетов от поддержки субъектов РФ увеличило возможности губернаторов законным образом влиять на «смену» глав местного самоуправления, а сейчас – и на продвижение своих «кандидатов» в tandem «председатель гордумы, мэр – сити-менеджер».

В результате такого далеко не «встречного движения» налицо, как говорят, стратегия «доминирования» у губернаторов и стратегия «вынужденного реагирования» у

прежних глав местного самоуправления с перспективой образования совместной стратегии развития при отстранении от должностей прежних фигур и конвергенции контрольных функций у вновь избранных или «наделенных полномочиями». Обе стороны понимают невозможность последующего и должного продвижения реформ без объединения усилий. Однако эти попытки могут натолкнуться как на новые «иззвы» экономического кризиса, инерционность сложившейся системы взаимоотношений, так и на недовольство масс, из рациональной среды которых стремительно вызревают новые «группы интересов».

Многие исследователи убеждены, что за исключением замедляющихся процессов модернизации такие тренды, как рост миграционных потоков из ведущих регионов нефтегазодобычи, недостаточность финансирования в освоение восточных регионов страны, будут способствовать в дальнейшем санации экономики и локальных рынков труда, издержки которых лягут на плечи населения территорий. Наибольшие риски в этом случае концентрируются в снижении модернизационного потенциала жителей областных центров и других городов [5, с. 61], читай — «моногородов».

Центр, конечно, пока боится кризисные ситуации, упреждая возможность социального негодования. Однако, несмотря на его готовность помогать регионам в реализации различных программ, в том числе и экстренных, и Кремль, и значительная часть местного руководства продолжают действовать в режиме «пожарника», что было продемонстрировано в трагические дни разгула стихии в период аномальной жары летом 2010 г.

Даже сейчас административная часть элит территорий в лице чиновничества, «выученная» в логике провинциального конформизма, продолжает испытывать в условиях новых последствий кризиса: увеличения числа бедных и масштаба коррупции богатых, — глубокую неприязнь к депутатам местных законодательных собраний — представителям бизнес-элит. Такое переживание провоцируется чувством зависти как по отношению к этой обеспеченной страте, так и к более широким полномочиям, которыми обладает глава региона в сравнении с другими фигурами областной администрации. Сосредоточение всех ресурсов в его руках не устраивает чиновников и потому, что лишает их «привычных возможностей договариваться» с людьми бизнеса.

Поиск оптимальных решений в контексте преодоления посткризисных явлений — процесс перманентный и в центре, и на местах. С той лишь известной особенностью, что цель — осмыслить то ценное, что можно извлечь из опыта других стран (регионов) для формирования собственной, действительно долгосрочной стратегии развития, понимается на этажах власти по-разному. И концептуально, и практически, но не теоретически.

Не в традициях нашей культуры и не в характере менталитета руководителей прислушиваться к тем, кто дальновиднее. Между тем той парадигме, в которой на сегодня у нас якобы преобладает культурный детерминизм, более подходит для всеобщего признания *вариант создания самодостаточной экономики и полноценной политической системы, а не их узкоспециализированной корпоративной модели на местах*. Перефразируя А. Дугина, можно сказать, что региональная Россия и экономически, и политически, бесспорно, ни первое, ни второе. Но вместе с тем она есть и первое, и второе, и третье... Это и есть симулякр (по определению Ж. Бодрийярда, «копия без оригинала») — каждый может увидеть то, что захочет, и будет всегда при этом одновременно и правым, и заблуждающимся... Это можно понять, но это не отменяет социологического определения современной политической системы как симулякра [6, с. 9].

Региональный политический процесс (РПП) — понятие, которое характеризует состояние политической системы в специфике ее пространственной динамики. Соот-

ответственно, его реальный масштаб связан с институтом власти соответствующей ступени и выражает характер взаимодействия субъектов политики, социальных и экономических акторов в их отношении к системе власти в конкретных административно-территориальных границах. Изменения, как на уровне нормативно-правового регулирования, так и в накладывающихся друг на друга практиках функционирования субъектов, дают возможность рассматривать РПП как *актуальную интеракцию* [7, с. 30].

Наряду с основной функцией поддержания порядка и устойчивого развития не менее злободневны и другие функции – ценностная и стратегическая характеристики, отчетливо отражающие два тревожных факта: а) ожидания и надежды, связанные с качественными переменами после кризиса 2008–2010 гг. не оправдались; б) поиски новой модели развития обретают повсеместность и ненормативность. С этой точки зрения РПП представляет собой *совокупность относительно самостоятельных, локальных трансформаций политической деятельности субъектов, которые возникают на пересечении разнообразных факторов и параметры которых не могут быть точно определены и спрогнозированы* [8, с. 291].

Политический процесс при этом характеризует возможность модификации одних параметров явления и одновременно пребывание в неизменном виде других его черт и линий. Беспокоят, однако, не количественные изменения, а отсутствие определенных сдвигов в сложившемся укладе в жизни регионов. Поэтому сегодня и нужен стратегический взгляд на трансформационные процессы на местах, причем с альтернативной оценкой не только пройденных этапов, но и будущего. Иначе не постичь внутреннюю логику событий, не распутать узлы переплетения объективного с субъективным в совокупности факторов, определяющих социальную динамику.

Проблема эффективной элиты в России не может быть разрешена лишь в плоскости построения вертикали власти, борьбы с терроризмом или коррупцией. Это в известной степени пригодно для государственной бюрократии. Отвечающая долгосрочным (национальным) интересам страны стратегия будет воплощаться только в том случае, если у нас станет нормой поощрение притока в элитную среду творческих сил из глубин страны. Настоятельной задачей в краткосрочном плане является не столько усиление контроля над элитой со стороны общества, сколько, во-первых, выстраивание политики в центре и на местах с опорой на внешние по отношению к ее институтам общественные ресурсы и, во-вторых, профессиональная гражданская экспертиза и оценка уровня политико-экономической результативности и доходов элиты.

Таким образом, механизм партнерства и интеграция ресурсов всех его сегментов – государства, предпринимательства и гражданского общества преимущественно в лице ученых и экспертов – это первоочередной, хотя и промежуточный фактор развития для всех проектов, относящихся к масштабу новой стратегии как на общенациональном, так и на региональном уровне. Главы регионов как регуляторы консолидации элит территории сами как таковые, не говоря уже о секторе малого и среднего бизнеса, не до конца осознают пользу и даже выгоду данного механизма. Однако пока они думают и ищут модели реализации своей власти, центр в очередной раз заявит о себе активной политической позицией.

Разнонаправленное влияние последствий кризиса на ситуацию в регионах еще раз доказывает правомерность тезиса о том, что центр должен научиться быть чувствительным к многообразию регионов, перестать действовать по типу «тушения пожара». Опасными в этой ситуации являются и попытки Кремля вернуться к усилению механизма государственного регулирования там, где без этого можно вполне обойтись. *Главное всегда и везде это люди, наполняющие своей энергией действующие структуры.*

Отношения между уровнями власти, представленными административной элитой и различным секторами других элит, куда помимо бизнеса стремительно входит элита некоммерческих, общественных организаций, – важный критерий при характеристике региональных политических режимов. После «отставки» Г. Бооса (2010 г.) с поста руководителя Калининградской области, где население городов выступало уже не только против политики главы региона, но и против федерального правительства, это представляется более чем убедительным. Вот почему проблема политического взаимодействия Российской Федерации с ее институтами, механизмами и стратегиями совместного действия выходит в разряд приоритетных.

Библиографический список

1. Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // Политические исследования. 2008. № 6. С. 99–110.
2. Казаков М.А. Национальные интересы России и становление новой субъектности региональных элит // Центр и властная вертикаль: российская политическая традиция. Ульяновск: УлГТУ, 2009. С. 254–260.
3. Кушлин В.И. Стратегия развития и ее цели // Экономист. 2006. № 1. С. 3–9.
4. Дахин А.В. Российская система власти 2000-х гг. и модели политического управления регионами // Региональная Россия – 2008: политика, деловой климат и социальные процессы в сравнительной перспективе: информ. бюл. НИЦ СЭНЭКС. Н. Новгород: ВВАГС, 2008. С. 7–13.
5. Зубаревич Н. Региональная проекция кризиса // Pro et Contra. Сентябрь–декабрь 2008. № 5–6. С. 48–62.
6. Дугин А. Политическая система современной России: симулякры и альтернативы // Однако. 2009. № 5. С. 7–9.
7. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России: монография. Н. Новгород: НГТУ, 2004.
8. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.

*M.S. Lystsev**

FEATURES OF REGIONAL POLITICAL PROCESS AND THE STRATEGY OF ELITE AREAS AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

This article analyzes the features of regional political process and strategies of territory elite at present stage. The necessity of profound definition, ideological and axiological ground of the prospect of institute of regional elite and formation on this basis of integrative strategies, which depend on socially significant efficiency of regional development is pointed out.

Key words: regional political process, strategy of elite of territories, regional elite, party in power, line of command, local government.

* *Lystsev Mikhail Sergeevich* (MLystsev@gmail.com), the Dept. of History and Scientific Discipline of Documentation, Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.